

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ОПТИМИЗМ МИГЕЛЯ СЕРВЕТА

**Бургете Аяла Марина
Рикардовна** – научный
сотрудник.
Институт философии РАН.
Российская Федерация,
109240, г. Москва, ул.
Гончарная, д.12, стр. 1;
e-mail: burguete@mail.ru

Статья посвящена испанскому мыслителю XVI века Мигелю Сервету, признанному еретиком и сожженному в Женеве в 1553 г. Обвинение в антитринитаризме на столетия закрепило за ним славу еретика, отвергавшего центральный догмат христианства. В статье рассматриваются вопросы, позволяющие понять, в чем заключается особенность его воззрений, какова роль научного знания в системе его взглядов, в чем состояло «послание», ради которого стоило пойти на костер. Не являясь профессиональным теологом, он ставил своей задачей восстановление христианского вероучения в его изначальном аутентичном смысле. Глубокие знания в области географии, астрономии, медицины, лингвистические изыскания были использованы для выстраивания сложной системы, которая была подчинена основной цели – донести до человечества идею и способ спасения, перед лицом грядущего скорого апокалипсиса. Обосновывая возможность духовного перерождения человека, Сервет привлекал для решения догматических и теологических вопросов знания из различных областей современной ему науки. Сегодня это можно назвать примером междисциплинарности в додисциплинарную эпоху. Решение задачи по достижению личного спасения и возможность трансформации человеческой природы базировались на эмпирических научных данных, что позволяет говорить о сближении в рамках системы взглядов этого мыслителя теологического, гуманитарного и естественнонаучного знания.

Ключевые слова: Мигель Сервет, антитринитаризм, возрождение христианства, междисциплинарность, антропологический оптимизм, ответственность, свобода мышления

MIGUEL SERVET'S ANTHROPOLOGICAL OPTIMISM

Burgete Ayala Marina –
research fellow.
Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences.
12/1 Goncharnaya Str.,
109240, Moscow, Russian
Federation;
e-mail: burguete@mail.ru

The article is devoted to Miguel Servet (Michael Servetus, Spain – Miguel Serveto, also known as Miguel Servet, Miguel Serveto, Revés, or Michel de Villeneuve) – the XVI century Spanish thinker who was recognized as a heretic and burnt at the stake in Geneva in 1553. The author discusses the specifics of Servet's philosophical system, the scientific background of his system, and his key ideas that have become a matter for *auto-da-fé*. The author argues that Servet's concept was aimed to reconstruct the "pure" Christian dogma, although he was not a professional theologian. The author claims that Servet used the deep knowledge in geography, astronomy, medicine, linguistics to create his complex system which was aimed to rescue the mankind from total destruction (Apocalypse). The author claims that Servet's system could be considered as an example of interdisciplinary approach in the pre-disciplinary epoch. Moreover, Servet's approach to the problem of personal salvation and the transformation of the humane nature is based on empirical scientific data. Hence, it is appropriate to consider his philosophical system as a mixture of theology, natural science and humanities.

Keywords: Miguel Servet, antitrinitarians, Christianity revival, interdisciplinary approach, anthropological optimism, responsibility, thinking, freedom

Я вообще начинаю опасаться, что путаница эта будет продолжаться очень долгое время...

Ходит, ходит один с козлиным пергаментом и непрерывно пишет. Но я однажды заглянул в этот пергамент и ужаснулся. Решительно ничего из того, что там написано, я не говорил

Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита

Приговор (Введение)

Отмечаемое в этом году 500-летие начала Реформации – хороший повод, чтобы подлить дегтя в мощный поток елеса, который в юбилейный год будет направлен на это величайшее явление в истории европейской мысли и духовности.

Приговор женевского суда, приведенный в исполнение 27 октября 1553 года, с письменного одобрения церковью Берна, Базеля, Цюриха и Шаффхаузена гласит: «Этот Сервет, исполненный коварства, назвал свою книгу, направленную против Бога, *Christianismi Restitutio*, то есть “Восстановление Христианства”, и все для того, что бы запутать и обмануть бедных несведущих и с большей легкостью отравить своим порочным и нечестивым ядом читателей книги, под видом правильного учения... Приговариваем тебя, Мигель Сервет, быть связанным и доставленным в место Шампель и там, прикованным к столбу, сожженным вместе с книгами, написанными твоей рукой и изданными тобой, пока не превратишься в пепел. Так закончатся твои дни, в назидание тем, которые пожелают совершить подобное». О чем сделана соответствующая запись, в которой отмечено, что перед лицом смерти «обвиняемый не продемонстрировал ни малейшего раскаяния в своих ошибках» [Servet, 2003–2006, vol. I, p. 248–251]. Благодаря стараниям палачей и тому, что большинство из изданных работ практически сразу после выхода попадало в индекс запрещенных книг, до нашего времени дошло считанное количество оригиналов работ Сервета. Обвинение в антитринитаризме закрепило за ним славу еретика, отвергавшего центральный догмат христианства, как среди его многочисленных противников, так и в глазах немногочисленных последователей.

«Испанские» и личные обстоятельства

Один из спорных и обсуждаемых до сегодняшнего дня моментов – это вопрос о происхождении мыслителя. Несмотря на то, что сам Сервет на процессе утверждал, что происходит из семьи «старых христиан», существует мнение, подтверждаемое рядом обнаруженных не так давно документов, что его мать Каталина Консека происходила из семьи «конверсо» – евреев, принявших крещение. Быть конверсо Испании в начале XVI в. – означает находиться под пристальным вниманием инквизиции и подозрением в том, что продолжаешь тайно исповедовать иудаизм, а значит, можешь быть в любой момент изгнан из страны и лишен всего своего имущества.

Сервет выпустил первую книгу, когда ему еще не исполнилось 20 лет. А так называемый Штутгартский манускрипт, впервые опубликованный в полном собрании сочинений Сервета, считается черновиком этой работы и датируется полутора-двумя годами раньше. Даже беглый взгляд на эту работу дает представление о том, каким обширным текстологическим материалом и знанием первоисточников оперирует автор. Это факт не находит объяснения ни у кого из исследователей, зато его приводят в качестве косвенного доказательства еврейского происхождения Сервета. Такое предположение позволяет ответить на вопрос, где и когда он мог получить все те знания, которые использовал в своих рассуждениях. Считается, что именно в семье у него была возможность выучить еврейский язык и познакомиться с источниками, знание которых пригодилось ему в дальнейшем. В то же время такая двойственность положения должна была осознаваться и остро переживаться молодым человеком, и возможно, что все его дальнейшие действия были попыткой доказать свою веру и приверженность к истинному христианству. Самый простой путь был в том, чтобы показать себя истинным католиком, но его симпатии и предпочтения, сформировавшиеся под влиянием идей гуманизма и начавшейся Реформации, взяли верх. Наличие собственного мнения и неудержимая потребность его высказать, бесспорно, были наивысшей доминантой его личности. Он нашел свою истину и способ выразить свое глубокое чувство веры в Христа. Можно предположить, что Сервет всю жизнь доказывал всем, и в первую очередь себе самому, что он истинный, настоящий христианин и, как ни абсурдно, именно этим заработал несмыслаемую славу еретика.

В духе времени

В своих первых работах – *De trinitatis erroribus u Dialogorum de trinitate libri duo* («Об ошибках троичности, 1531» и «Два диалога о Троице, 1532») – Сервет берется очистить основной догмат христианства от многовековых наслоений и восстановить его в изначальной чистоте и истинном смысле. Он высказывает ряд мнений, которые к середине XVI в. не были новыми и повторялись неоднократно другими авторами. И это несмотря на то, что некоторые из них могут и сегодня кого-то покоробить, как, например, то, что церковь – это вавилонская блудница; а Папа – антихрист; или отказ от крещения детей; идея ненужности монастырей, принудительного celibата, профессиональных священников, чистилища. В том числе, и центральный вопрос протестантско-католической полемики того времени – о спасении. В отличие от отвлеченных теологических рассуждений, касающихся догматических вопросов, понятных не многим, проблема личного спасения близка каждому христианину, вне зависимости от конфессии. Она является повседневной заботой любого, думающего о своей посмертной судьбе. И это был не просто вопрос ортодоксии или гетеродоксии – это был вопрос личного бессмертия, освобождающего человека от адских мучений.

О свободе истолкования

Весной 1531 г. Сервет обращается к ведущим деятелям Реформации в надежде найти у них не только поддержку своим идеям, но и услышать мудрый совет. Его переписка с Иоганом Эколампадием незадолго до смерти последнего любопытна и показательна тем, что именно в ней Сервет высказывает свою жизненную позицию и фактически предрекает собственную судьбу. Отвечая на обвинения в свой адрес, он пишет: «...даже если ты знаешь, что я в чем-то ошибся, то это не значит, что ты должен обвинять меня во всем остальном. В таком случае не было бы смертного, который не заслуживал бы быть сожженным тысячу раз. ...Эта болезнь в человеческой природе – считать нечестивыми и самозванцами других, но не нас самих, потому что никто не признает своих собственных ошибок». И далее: «ради Бога, прошу тебя, уважай мое имя и репутацию. Не тревожь темы, которые не касаются этого вопроса. Ты утверждаешь, что мне безразлично, если все станут ворами, и что никто не должен быть обвинен и наказан. Беру всемогущего Бога в свидетели, что я не разделяю это мнение, но и отвергаю его полностью. Если я что-то сказал в отношении этого, то

только то, что мне кажется чрезмерным убивать человека только за то, что при толковании Писания он заблуждается, зная, что даже самые знающие ошибались» [Servet, 2003–2006, vol. I, p. 14–15].

Два десятилетия спустя Сервет напишет, что он всегда шел с «открытой душой и чистым сердцем» и не имел никаких личных интересов или политических амбиций. В пылу юношеского романтизма он не понимал, что «подставляет» тех, к кому он обращался за поддержкой и одобрением – ведущих европейских реформаторов, которые в отличие от него были вовлечены в политику. Всю последующую жизнь он будет на деле доказывать провозглашенное в самом начале пути право человека на собственное мнение. Исповедуемая им свобода мысли трансформируется в глазах многих современников и потомков в инакомыслие, ересь, гетеродоксию. Так М. Пелайо, автор классического многотомного труда «История испанских гетеродоксов» (1880–1882), придерживаясь сугубо католической позиции, писал: «Среди всех испанских ересиархов ни один не превосходит Мигеля Сервета в смелости и оригинальности идей, в стройности и последовательности системы, силе логики и в последующему распространению его заблуждений» [Menéndez Pelayo, 1947, p. 311]. Для других настоящий Сервет – «великий неизвестный» в истории испанской мысли, самый европейский не только в XVI в., и во все века испанской истории. Таково мнение Анхеля Алькала – ученого, осуществившего перевод на испанский язык и издание полного собрания сочинений Мигеля Сервета [Alcalá, 2003, p. 240].

Полное собрание сочинений Мигеля Сервета, изданное спустя пять столетий после его смерти, дает возможность без предубеждения, с позиции современной истории философии и науки оценить его наследие. Задача в том, чтобы попытаться увидеть актуальный смысл оставленного нам послания.

Инакомыслие, авторитеты и новое в науке

Характерной особенностью Сервета была способность мыслить самостоятельно. Он всегда имел точку зрения, выходящую за границы того, что принималось и могло быть понято сообществом в оценках, выводах и в предлагаемых решениях. В иное время эта способность, оцененная по достоинству, могла привести к появлению действительно нового знания. Профессиональная же медицинская деятельность Сервета началась со скандального изгнания его из Парижского университета за лекции по астрологии и написанием в ответ небольшой работы «Рассуждение в защиту астрологии» (*In qvendam medicum apologetica disceptatio pro astrologia*, 1538). Эта небольшая работа, по

сути, носит методологический характер. Как бы ни упрекали Сервета в мистике, отсутствии рационализма и научного подхода, именно эта работа показывает, насколько разумны, последовательны и оправданы его собственные доводы и подходы к решению поставленных задач. Заканчивая свое обращение, он пишет: «Должны ли мы в наш век оставаться немymi от страха?.. В противоположность этому, провозгласим истину. Ввязавшись в сражение, я готов оставаться стойким» [Servet, 2003–2006, vol. III, p. 271. *Astrologia* XII].

Сегодня, когда получение нового знания стало основной целью и ценностью науки, трудно представить, что даже само стремление к чему-то новому было осуждаемым и преследовалось. В первой половине XVI в. подтверждением истинности любого знания было соответствие авторитетам. Стоит отметить, что Сервет как никто преуспел в знаниях первоисточников, во многом благодаря знанию языков, возможностям пользоваться библиотеками и работе в издательстве. Издание Географии Птолемея (1535, 1542) и комментарии к ней, издание и комментарии к Библии Пагниуса (1542), написание фармакологической работы, в которой удачно сочетались два противоборствовавших на тот момент подхода в медицине – приверженцев Галена и арабской традиции. «Об универсальном использовании микстур» (*Syroporum universa ratio*, 1537) – единственная работа, не вызвавшая нареканий, неоднократно издававшаяся как при жизни, так и после его смерти. Сервет был практикующим врачом, профессия давала ему средства к существованию, а звание личного врача архиепископа Вьенна обеспечивало достойный статус. Все эти занятия способствовали накоплению знаний, необходимых для достижения главной цели и выполнения той миссии, которую Сервет принял на себя: «задача, которую мы ставим, столь возвышена в своем величии, сколь легка в понимании и верна в доказанности» [Servet, 2003–2006, vol. V(1), p. 7. *CR* 4].

Цель, средства, доказательства

Истина, которая открылась Сервету еще в ранней молодости, по его мнению, изначально была заложена в Писании: «Пожалуйста, тысячи раз прочти Библию, и если, прочитав ее, не уловишь ее сути, то это потому, что потерял Христа – ключ к познанию, который сможешь легко обрести вновь если приложишь непрерывные усилия» [Servet, 2003–2006, vol. II(1), p. 300. *DeTrErr.* 79r] – т. е. путь уже показан.

Его «программа» сформулирована в заглавии его последней работы: «Восстановление Христианства. Возвращение Апостольской Церкви в ее первоначальное состояние посредством познания Бога, веры в Христа, нашего оправдания, восстановления крещения и вкуше-

ния Божественной трапезы, окончательное Восстановление Царствия небесного, после разрушения безбожного Вавилонского пленения и окончательного низвержения Антихриста со всеми его последователями». Работа издана тайно в 1553 г., без указания автора и типографии, рукопись уничтожалась по мере переноса содержания ее на печатные листы. Один экземпляр попал в руки Жана Кальвина, который под аббревиатурой M.S.V. распознал автора – Мигель Сервет Вильяновано, о чем незамедлительно сообщил французской инквизиции. Считается, что было напечатано 800–1000 экземпляров. Из них уцелело три, в разной степени сохранности.

В предисловии Сервет пишет: «Я начал эту работу в другое время, и сейчас вновь чувствую необходимость ее продолжить, потому что пришел срок, потому что я получил доказательства темы, так и потому, что неоспоримы знаки времени. Что я и намерен показать всем верующим» [Servet, 2003–2006, vol. V(1), p. 7. CR 4].

Как и в своей первой работе, Сервет начинает свои рассуждения с Иисуса Христа, говоря, что он «и дверь и путь», и с утверждения, что именно этот, подвергнутый бичеванию и покрытый кровью человек есть Иисус Христос, что он сын Божий и что он есть Бог. И далее движется в своих рассуждениях, спускаясь от Бога, и возводит к человеку, обретающему свою подлинную божественную христианскую сущность. Этот своеобразный круг показывает путь, ведущий к спасению и сотериологическую суть его религиозно-философской системы.

В качестве эпиграфа выведены две строки две строки из Апокалипсиса: «И восстанет Михаил на небе» (на еврейском) [Дан. 12,1]; «И произошла на небе война» (на греческом). [Откр. 12:7-9].

Вывод о скором наступлении предсказанных в Откровении событий Сервет считал обоснованным не только указаниями, почерпнутыми из Библии, но и на основании собственных астрономических и астрологических изысканий. Ввиду скорого наступления Апокалипсиса человек должен подготовиться к последней битве, и только возрожденный в истинном крещении, перерожденный, может присоединиться к воинам под предводительством Михаила Архангела и получить освобождение от второй смерти – смерти души, и получить право войти в царство небесное. Имеющиеся в его арсенале знания в области географии, астрономии, медицины, лингвистические изыскания были использованы для выстраивания сложной системы, которая была подчинена основной цели – донести до человечества идею и способ спасения перед лицом грядущего Страшного суда.

И тем не менее единственный язык, на котором Сервет может обсуждать волнующие его вопросы, это язык философии того времени, который еще укоренен и неотделим от языка теологии. В то же время, во многом благодаря тому, что он не был профессиональным теологом, в своих рассуждениях Сервет не был ограничен схемами и требованиями-

ми заданных стереотипов, а его познания в области естественных наук были достаточно глубокими и разнообразными. Фактически он всеми доступными ему средствами пытается на эмпирическом материале анатомии и физиологии человека решить вопрос о том, как происходит соединение материального и духовного. Сначала на примере Иисуса Христа, соединяющего в себе обе природы, а затем – в применении к человеку. Тем самым Сервет доказывает свой основной тезис и цель всех своих исследований – возможность возрождения человека, его обожения и обретения права на вхождение в царствие небесное.

Суть позиции Сервета можно назвать *антропологическим оптимизмом*, и потому она не могла и не может быть принята ортодоксальным христианством. Падение Адама – первая победа дьявола, последствия которой – приведение в мир смерти. Сотворенный бессмертным и вкусивший от древа жизни, первый человек становится смертным и вслед за ним все его телесное потомство, т. е. все человечество.

Смерть, которой озабочен Сервет, иного порядка. Ее происхождение – в грехе Адама, но проявляется она и на другом уровне – это вторая смерть, смерть души, понимаемая как неподчинение божественным установлениям. Как Адам сам принял решение вкусить от запретного древа, так и каждый человек решает сам, грешить ему или нет, а согрешив, делается ответственным за содеянное и окончательно умирает, потому что «грешить» означает умереть окончательно, без метафор, в буквальном смысле. Потому возрождение не может быть общим, а только индивидуальным.

Сервет убежден, что благодаря жертве Иисуса Христа, его страданиям, смерти и воскрешению грех Адама был частично искуплен и дана возможность избежать фатального следствия первородного греха. «Христос платит, помимо прочего, за нас возрожденных, с гораздо большей действенностью освобождая нас своей смертью от адской смерти, таким образом, что мы даже не почувствуем запаха ада, как это чувствовали и чувствуют все остальные. Воскреснув, Христос ослабил преисподнюю, освободив некоторых от нее» [Servet, 2003–2006, vol. V(1), p. 414. CR 244]. К их числу Сервет несомненно относит себя. Он постоянно говорит в первом лице и в настоящем времени, как о свершившемся факте, о внутренней трансформации *«уже сейчас»*. Благодаря Христу человек обретает свободу разумного выбора, определяющую его жизнь и посмертную судьбу. Верное прочтенное и понятое Писание предоставляет человеку реальный путь и возможность, приложив духовные усилия для возрождения. Сервет убежден, что человек, осознанно и правильно сделавший свой выбор, может обрести спасение.

Согласно библейскому повествованию, Бог вдохнул душу в человека – т. е. божественное начало попало в человека посредством дыхания. Конечным результатом дыхания является очищение крови,

которая движется, а вместе с ней и душа передвигается по всему телу. «Потому говорится, что душа находится в крови и что сама душа это сама кровь, или дух крови. Не говорится что душа, главным образом, в стенках сердца, ни в мозговом веществе или в печени, а в крови, как и указывает сам господь (Быт. 9:4; Лев. 17:11)» [Servet, 2003–2006, vol. V(1), p. 289. CR 170].

Предмет теологии для Сервета столь же реален, как и предмет медицины, географии или астрологии. Близкое Второе пришествие для него было такой же реальностью, как и предсказанное им затмение, о котором он рассказывает в работе «В защиту астрологии». Именно таким образом – не метафорически, а буквально он сам читает Библию и призывает к этому остальных. Поэтому он свободно рассуждает в едином для него научно-теологическом пространстве, нарушая границы предметного разграничения.

Иисус Христос для Сервета есть «идеальный объект», обладающий реальным бытием. Такой подход – очень важная характеристика мышления Сервета; он воспринимает бытие в реальном единстве духа и тела и пытается обосновать и объяснить процесс их соединения. С дотошностью анатома он производит «вскрытие идеального объекта». Его интересует, каким образом Святой Дух, выступающий как божественная суть передаваемой информации, соединяется с движущейся телесной субстанцией – кровью, принимающей ее на себя: «субстанция Создателя соединяется и смешивается разными способами с субстанцией творения, создавая нового человека, единого в теле и духе» [Servet, 2003–2006, vol. V(2), p. 1223. CR 549]. Фактически Сервет описывает и подтверждает эмпирическими наблюдениями то, каким образом происходит в человеке соединение некой духовной божественной субстанции Св. Духа и материальной – человеческой крови. Описание процесса прохождения крови через легкие находится в Пятой книге, в главе, которая посвящена Святому Духу, и приведено для того, чтобы читатель «получил полное знание о душе и духе».

Споры, которые развернулись с новой силой в последнее время вокруг приоритета Сервета в описании малого круга кровообращения, не имеют ни малейшего отношения ни к Сервету, ни к его учению. Совершенно не важно, пришел ли испанский мыслитель к пониманию этого процесса самостоятельно, или же каким-то образом позаимствовал идею у Ибн Ан-Нафиса. В любом случае, сам Сервет никогда не претендовал на приоритет в этой области. Важно то, что для подтверждения своих идей он использовал именно этот неизвестный вариант, а не то неверное представление, которое бытовало еще почти столетие после его смерти. Концепция внутренней взаимосвязанности универсума, унаследованная эпохой Возрождения от античности, позволяла использовать описание этого физиологического процесса как аргумент, подтверждающий единение двух движущихся в чело-

веке субстанций и их общие онтологические и рациональные основания. «У Сервета не существует медицины и теологии, для него медицина как теология и теология как медицина. У Сервета нет человека, читающего филологически и методически Библию, а есть человек, читающий ее в буквальном и реальном смысле, из своего естества, с сердцем в той степени, согласно его вере, отмечая внутри себя материальный эффект каждого божественного слова. То, о чем говорит Сервет, – это его собственная внутренняя жизнь. Это не вопрос слов. Это послание. Это озарение. Это возрождение внутреннего человека посредством Духа–Слова Божьего, ставшего словом Библии, оно подтверждается и демонстрируется примером регенерации крови духом в легких и сердце... Его публикация как научного открытия имела бы меньше смысла, чем публикация в качестве поддержки основного призыва к установлению царства небесного» [Mogeno Mogeno, 2011, p. 31]. Душа, одухотворяемая через дыхание Богом, посредством движения крови одухотворяет тело, достигает мозга, где оживляет все способности человеческого тела. Но кровь, душа, дыхательная система являются неотъемлемой частью каждого человека – и грешника, заслуживающего вечные муки, и праведника, достойного спасения. А значит, должен существовать еще некий фактор, помимо дыхания. Ответ Сервета таков: дыхание должно сопровождаться одухотворением чем-то новым, подобно тому, как рождение должно вести к возрождению, должно быть божественным действием, в процессе которого возникает новое качество. На этом примере в полной мере становится очевидным, что для Сервета существует одна реальность, в которой органично соединены природное и божественное, материальное и духовное. «Для него существует только один совершенный вариант развития естественных процессов, восходящих от дыхания к одухотворению, от становления к восстановлению, от восприятия к пониманию от рождения к духовному возрождению» [Bainton, 1973, p. 132].

Сервет верит в то, что достигнуть возрождения можно, а вера для него «...означает не просто согласиться, а убедиться с твердой уверенностью» [Servet, 2003–2006, vol. V(2), p. 834. CR 289]. Поэтому привести к спасению может только истинное знание, основанное на уверенности и доказанное. Вооруженный этим знанием человек может осознанно и свободно принять крещение, подтвердив тем самым свои намерения и взяв на себя обязательства христианина. Именно поэтому так важно то, как и когда совершается крещение.

Даже рассмотренная в общих чертах цепь рассуждений, начало которых – в анализе соотношения лиц в Божественной Троице, приводит к совершенно иной, отличной от любой христианской, парадигме. По мнению М. Хиллара, Сервету удалось, опережая современников, «развить абсолютно новую систему религиозного мышления, последовательную, альтернативную, фактически новое Христианство» [Hillar, 2001, p. 1].

Сервет не был религиозным фанатиком, никакой радости от грозящей смерти в духе первых христиан-мучеников не испытывал, хотя и был убежден в том, что сможет обрести царствие небесное, поскольку ощущал себя прошедшим восстановление в христианской вере. На процессе он пытался убедить оппонентов в своей правоте, и если бы ему удалось избежать смерти и обрести свободу, возможно, смог бы отправиться в Новый свет. Во всяком случае, предположение о существовании у него этого намерения высказывалось.

Достоинства и забвение

Скорее всего, сегодня побудительные мотивы человека, жившего пять столетий назад, покажутся нам наивными, а сделанные выводы – недостаточно обоснованными и бесполезными. Проблемы, которые ставит перед собой наука сегодня и которые пытается в рамках своего предмета решить философия, кажутся нам глубже, а уровень постижения истины – значительней и выше. Сильно изменился язык науки и трансформировались смыслы многих понятий. И если в наших силах и возможностях попытаться примерить понятия и смыслы из прошлого к сегодняшним реалиям, то почему бы не попробовать совершить обратное – современные понятия и смыслы применить к анализу текстов и породивших их обстоятельств. Возможно, это позволит не только обнаружить простые сходства и параллели, но и увидеть скрытые и утраченные за прошедшее время нити, связывающие нас с прошлым. Во введении к «Истории и философии медицины» В.С. Степин пишет: «Различные сценарии развития знаний предстают как конкурирующие исследовательские программы. Они могут конкурировать достаточно длительное время. Но даже тогда, когда одна из них обретает статус наиболее перспективного и доминирующего направления, идеи альтернативных программ, оцениваемые как малопродуктивные, могут обрести “вторую жизнь” на последующих этапах эволюции знания. Но тогда возникает новое понимание преемственности. Она осуществляется в более широком диапазоне, чем это полагала стандартная концепция. То, что не вошло в мейнстрим научного развития на одном этапе, может быть иначе оценено на последующих этапах эволюции науки. Идеи, даже казавшиеся маргинальными, могут получить новую интерпретацию, которая выделит в них элементы истинного знания и включит эти элементы в новый мейнстрим» [Степин, 2017, с. 9].

Стоящий на сломе эпох XVI век во многом определил направления, по которым пошло развитие всей европейской науки и философии. Именно тогда были поставлены и сформулированы многие важ-

ные теоретические и философские проблемы, решение которых стало задачей последующих столетий. Можно назвать эту эпоху «состоянием преднауки», а учитывая то, что в дальнейшем наука пошла по пути развития дисциплин – «пред-дисциплинарностью» в додисциплинарную эпоху. Об этом говорит само знание, во многом сохранявшее синкретический характер, а также то, что люди, занимавшиеся научной деятельностью, были универсалами. Не каждый полученный результат попадал в копилку науки будущего – многое или отвергалось с возмущением, или же оставалось не замеченным благодаря неготовности сообщества понять его ценность. Именно такая судьба постигла систему, выстроенную Мигелем Серветом.

Одна из причин этого – в том, что, на мой взгляд, представляет ее оригинальность и специфику. Она объединяла несоединимые, казалось бы, вещи, нарушала дозволенные границы между теологией и наукой и позволяла видеть иные грани реальности. В ее измерении одинаково реально существующими и взаимодействующими видятся Вселенная и Человек, Бог и Душа, и процесс этого взаимодействия является предметом исследования философии, медицины, астрологии.

Другая причина – то, что можно назвать основным итогом рассуждений Мигеля Сервета, его антропологический оптимизм, нарушивший установку ортодоксальной христианской позиции. По мнению Е.А. Будрина, «Сервет обнаруживает перед нами полное непонимание порока и человеческой поврежденности <...> ясно доказывает, как мало он знаком с глубиной человеческого растреления и как плохо понимает первородный грех» [Будрин, 1878, с. 243].

Послание (Заключение)

Возможно, вывод будет выглядеть несколько странно, но на самом деле Сервета убили не безвинно! Истинная причина – отнюдь не в предъявленном и закрепившемся обвинении в антитринитаризме. С точки зрения приверженца христианства, пережившего в XVI в. второй великий раскол, испанский врач был более опасен, чем любой язычник, иудей или мусульманин. Потому что он отрицал главное, без чего немыслима христианская религия – безусловную, безоговорочную и неисправимую греховность человеческой природы. Вина от рождения делала человека заложником церковной власти, стоящей между человеком и Богом. Он проиграл в своей войне против всех, заставив объединиться в едином негодующем порыве непримиримых врагов, католиков и протестантов всех мастей, но оставил свое послание миру, имеющее непреходящую ценность: надежду на возрождение и свободу в принятии решения о личном спасении.

В то же время, с точки зрения самого Сервета, он не предлагал ничего нового, он всего лишь стремился восстановить христианское вероучение в его изначальном, истинном смысле, записанном в Писании: «Господь свидетель, и пусть никто не примет меня за новатора, движимого какими бы то ни было пустыми амбициями» [Servet, 2003–2006, vol. V(1). P. 9. CR 5].

Подобно тому, как было неверно понято и истолковано, по мнению Сервета, Писание, неверно был истолкован и понят сам испанский мыслитель – сначала современниками, потом немногочисленными последователями, а затем и многими из тех, кто брался за изучение и истолкование его учения. Все видели в его трудах только дух опровержения, но никто не хотел замечать положительной стороны того, за что, собственно, он боролся и что доказывал всеми доступными ему средствами. Разбираться с этой «путаницей» придется еще очень долго.

Список литературы

- Будрин, 1887 – Будрин Е.А. Михаил Сервет и его время. Казань: Типогр. император. Ун-та, 1887. 400 с.
- Бургете Аяла, 2011 – Бургете Аяла М. Мигель Сервет. Святой Еретик // Филос. науки. 2011. № 12. С. 61–73.
- Степин, 2017 – Степин В.С. История науки как наука. Введение // Степин В.С., Сточик А.М., Затравкин С.Н. История и философия медицины. Научные революции XII–XIX веков. М.: Акад. проект, 2017. 236 с.
- Alcalá, 2003 – Alcalá Á. Los dos grandes legados de Servet: el radicalismo como método intelectual y el derecho de la libertad de conciencia // Turia: Revista cultural. 2003. No. 63–64. P. 221–242.
- Alcalá, 2006 – Alcalá Á. De la elaboración y contenido de *Christianismi Restitytio*: fuentes y principios rectores del sistema de Servet // Servet M. Obras completas 2006.
- Bainton, 1973 – Bainton R.H. Servet, el hereje perseguido. Madrid: Taurus, 1973. 301 p.
- Hillar, 2002 – Hillar M. Michael Servetus, intellectual giant Humanist and martyr. N. Y.: Oxford Univ. Press of America, 2002. 275 p.
- Menéndez Pelayo, 1947 – Menéndez Pelayo M. Miguel Servet // Historia de los heterodoxos españoles. Vol. III. Madrid: ed. C.S.I.C., 1947. P. 311–390.
- Moreno Moreno, 2011 – Moreno Moreno D. Miguel Servet teólogo iluminado. ¿Ortodoxia o heregía? Zaragoza: Institución «Fernsndo el Catóico», 2011. 265 p.
- Servet, 2003–2006 – Servet M. Obras completas. Vol. I–VI. Zaragoza: Prensas Universitarias de Zaragoza, 2003–2006.

References

Alcalá, Á. De la elaboración y contenido de Christianismi Restitytio: fuentes y principios rectores del sistema de Servet, in: Servet M. *Obras completas. Vol. 3* Zaragoza: Prensas Universitarias de Zaragoza, 2006, pp. (In Spanish)

Alcalá, A. Los dos grandes legados de Servet: el radicalismo como método intelectual y el derecho de la libertad de conciencia, in: *Turia: Revista cultural*, 2003, no. 63–64, pp. 221–242. (In Spanish)

Bainton, R. H. *Servet, el hereje perseguido*. Madrid: Taurus, 1973. 301 pp. (In Spanish)

Budrin, E. A. *Mikhail Servet i ego vremya*. [Michael Servet and his time]. Kazan: Tipografiya imperatorskogo Universiteta, 1887. 400 pp. (In Russian)

Burgete Ayala, M. *Migel' Servet. Svyatoi Eretik* [Miguel Servet. Holy Heretic], in: *Filosofskie nauki*, 2011, no. 12, pp. 61–73. (In Russian)

Hillar, M. *Michael Servetus, intellectual giant Humanist and martyr*. New York: Oxford Univ. Press of America. 2002. 275 pp.

Menéndez Pelayo, M. Miguel Servet, in: *Historia de los heterodoxos españoles. Vol. III*. Madrid: C.S.I.C., 1947. P. 311–390. (In Spanish)

Moreno Moreno, D. *Miguel Servet teólogo iluminado. ¿Ortodoxia o heregía?* Zaragoza: Institución «Fernando el Católico», 2011. 265 pp. (In Spanish)

Servet, M. *Obras completas Vol. I–VI*. Zaragoza: Prensas Universitarias de Zaragoza, 2003–2006. (In Spanish)

Stepin, V. S. Istoriya nauki kak nauka. Vvedenie [The history of science as a science], in: Stepin, V.S., Stochik, A.M., Zatravkin, S.N. *Istoriya i filosofiya meditsiny. Nauchnye revolyutsii XII–XIX vekov*. [History and philosophy of medicine. The scientific revolution of the XII–XIX centuries]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2017. 236 pp. (In Russian)